

УДК 159.9

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПСИХОЛОГИИ: ДИАЛЕКТИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИЙ

© 2025 г. Л. Н. Горюнова^{1,*}

¹ФГБОУ ВО «Санкт-Петербург государственный университет»;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии
факультета психологии СПбГУ.
E-mail: Lgorynova@mail.ru

Поступила 27.04.2025

Аннотация. Статья развивает идеи Ю.Н. Олейника и А.Л. Журавлева (2024) о роли научных традиций, акцентируя их динамическую природу. При подчеркивании ценности и уникальности предлагаемой авторами систематизации подходов и трехмерной модели изучения научной традиции выявляется недооценка конфликтного характера традиций. Анализируется парадоксальная способность традиций одновременно сохранять и трансформировать знание. Опираясь на новаторскую трехмерную модель авторов, статья раскрывает диалектический потенциал традиций.

Ключевые слова: научные традиции, парадигмы, преемственность, инновации, история психологии.

DOI: 10.31857/S0205959225030128

ТРАДИЦИИ В ПСИХОЛОГИИ: НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Статья Ю.Н. Олейника и А.Л. Журавлева в двух частях «Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 1. Состояние и трудности изучения» [11] и «Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 2. Проблемы, подходы и перспективы исследования» [12] поднимает важную проблему недостаточной изученности традиций в психологии, несмотря на их значимость для развития науки. Авторы отмечают, что традиции остаются «непроявленным, неотрефлексированным знанием» [11, с. 8], а их исследование, несмотря на осознание актуальности, «мало представлено в современных специальных публикациях» [11, с. 5].

Первая часть статьи закладывает теоретическую основу изучения преемственности, но оставляет открытым сам вопрос о строгом определении термина «научная традиция». Авторы критикуют его использование как «зонтичного понятия», которое охватывает разнородные явления: «Традиция выступает своего рода собирательным термином, фиксирующим лишь сам факт обращения к идеям прошлого» [11, с. 7]. Подчеркивается, что многие работы формально используют этот термин, но не раскрывают

его содержания: «Часто публикации, в названии которых используется термин “традиция”, характеризуют его лишь косвенно и достаточно обобщенно, а иногда подразумевают совершенно иной исследуемый феномен» [11, с. 5]. Представляется совершенно правомерной и конструктивной позиция авторов, которые предлагают искать решение проблемы смысловой строгости и однозначности понятия «традиция» в использовании классификации Е. Шацкого. Опираясь на нее, Ю.Н. Олейник и А.Л. Журавлев фиксируют три подхода к пониманию традиций: функциональный (передача ценностей между поколениями, акцент на механизмах трансляции); объектный (содержание передаваемого знания); субъектный (отношение ученых к наследию прошлого) [11, с. 8]. Интеграция этих трех трактовок традиции в едином определении и должна, по их мнению, привести к согласованному и адекватному ее пониманию. С такой позицией авторов нельзя не согласиться.

Во второй части статьи [12] авторы углубляют анализ, предлагая конкретные методологические решения. Они выделяют девять ключевых проблем – критерии дифференциации традиций, механизмы их кристаллизации и их роль в развитии науки и др. Ключевым достижением второй части статьи является предлагаемая авторами трехмерная модель изучения традиций, объединяющая: три аспекта

науки (знание, социальный институт, деятельность), три подхода к традициям (функциональный, объектный, субъектный), а также временное измерение (динамика традиций). Авторы подчеркивают, что традиции – это не статичное наследие, а динамичный механизм, требующий системного изучения.

Обе части обсуждаемой статьи взаимосвязаны: первая обосновывает необходимость исследования традиций, вторая предлагает конкретные методы их изучения. Интеграция эпистемологии, науковедения и истории психологии делает этот подход особенно ценным для дальнейших исследований.

Ключевые достоинства анализируемой работы – обоснование недостаточной изученности традиций и их роли в науке; критика размытости термина и попытка его уточнения; разработка трехмерной модели, объединяющей различные аспекты традиций; выделение перспективных направлений для будущих разработок.

Дальнейшая работа может быть направлена на эмпирическую проверку предложенной модели – сравнительный анализ традиций в разных психологических школах (в изучении которых тоже достаточно нерешенных вопросов [13]), и изучение их влияния на современные исследования.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Диалектика сохранения и подавления. Авторы в своей работе справедливо отмечают, что традиции в психологии остаются “непроявленным знанием” [11, с. 8]. Их критика размытости термина подкреплена разработкой трехмерной модели изучения традиций, хотя в представленном виде она (модель) прямо не решает ключевой парадокс – как традиции могут одновременно обеспечивать преемственность и тормозить развитие науки?

Ярким примером этого парадокса служит судьба обобщенной концепции деятельности Г.В. Суходольского [16]. Развивая традиции ленинградской психологической школы, она одновременно стала их заложницей: сложный математический аппарат и синтетический характер работы не вписывались в привычные рамки изложения, что привело к маргинализации концепции. По данным РИНЦ, за последнее десятилетие на нее ссылались менее 50 раз, тогда как на работы западных авторов с аналогичными идеями – в сотни раз чаще. Это показывает, как традиции, обеспечивая преемственность идей, могут становиться фильтром, отсекающим инновационные подходы.

Трехмерная модель изучения традиций, предлагаемая авторами анализируемой статьи, могла бы усилить объяснительный потенциал, если бы учитывала *диалектику* традиций: их способность одновременно сохранять и подавлять знание, принимая во внимание, что традиции действуют как “селективный фильтр” – обеспечивают преемственность, но маргинализируют непривычные формы и варианты знания. Это можно реализовать, например, включая сравнение индекса цитируемости одинаковых идей у разных авторов; также через анализ дискурса – критику или поддержку в рецензиях; через исследование институционального признания, т.е. включение в гранты, учебные программы и т.д. Дополнение модели этими параметрами усилит ее временное измерение, которое авторы уже включили в свою трехмерную схему, что сделает ее еще более эффективным инструментом для анализа динамики научных традиций.

Парадокс фиксации: между стабильностью и изменчивостью. Тезис авторов: “Традиции ... фиксируют единство преемственности и инноваций в генезисе научных знаний” [12, с. 7] представляется не полным. Фиксация – это остановка, прекращение развития (пусть даже временное), если говорить метафорическим языком, фиксация равна созданию надгробия: В. Гюго сравнивал классические теории с надгробиями, “под которыми покоятся умершие истины” [5, с. 217]. Точно так же фиксация традиции может превратить ее в набор мертвых клише – застывших формулировок, утративших первоначальный смысл и познавательный потенциал.

Более точным представляется в данном случае использовать вместо термина “фиксация”, который может быть понят как ригидность, термин “стабильность”, т.е. гибкая преемственность. Фиксация – это крайняя форма стабильности, лишаящая традицию развития. Поэтому целесообразно определить традицию не как фиксацию, а как динамическое противоречие между стабильностью (преемственностью) и изменчивостью (инновациями). Стабильность в науке необходима как система теорий, методов и стандартов, которые обеспечивают кумулятивность, предсказуемость и коммуникацию. Однако, когда традиции догматизируются, возникает сопротивление новым идеям и консервация устаревших методов. Изменчивость в традиции – это как живое дерево с крепким стволом, но гибкими ветвями. “Окостеневшая” традиция подобна окаменелости – сохраняет форму, но не способна к росту. “Живая” же, как дерево, меняет форму ствола (ядро идей), наращивает новые ветки, но сохраняет устойчивость.

Парадокс ретроспективности: как будущее формирует прошлое. Главный парадокс в том, что

традиции могут менять представление о прошлом, прокладывая путь новому. Как отмечал Борхес: “Каждый писатель создает своих предшественников. Его творчество меняет наше представление о прошлом” [1, с. 274]. И новаторские работы (как у Г.В. Суходольского) могут годами оставаться “невидимыми”, пока новая парадигма не “изобретет” их как значимое звено традиции. Концепция Г.В. Суходольского оставалась маргинальной, однако это не отменило ее ценности — индекс цитируемости отражает не объективную ценность идей, а порой лишь степень их ритуального принятия. Например, работы западных авторов, дублирующие идеи Суходольского, попадали в “зону доверия” англоязычной традиции, тогда как его текст остался за ее пределами — не из-за недостатков, а из-за разрыва в языках доверия.

История науки знает множество примеров, когда такие разрывы преодолевались через введение новых интерпретаций, но при условии, что новаторы находят баланс между радикальностью и узнаваемостью. Например, концепция “установки” Узнадзе первоначально отвергалась как “идеалистическая”: “Концепция Узнадзе, с ее акцентом надорефлексивном уровне психики, была воспринята как попытка ревизии материалистической парадигмы — особенно после разгрома рефлексологии в 1931 году” [14, с. 134]. Затем она была реабилитирована его последователями, которые связали установку с деятельностью нервной системы и социальной детерминацией, и переформулировали ее в рамках материалистической парадигмы. В 2000-х г. концепция вошла в учебники как “классика”, а парадокс заключается в том, что впоследствии ее критиковали за излишний физиологизм.

Таким образом, традиции в психологии существуют в постоянном диалектическом напряжении между узнаваемостью и радикальностью. Даже маргинализованные идеи могут быть реабилитированы, когда изменяются институциональные фильтры научного сообщества, технологические возможности верификации и сама система эпистемологических координат. Это подтверждает, что традиции — не столько застывшие формы, сколько живые процессы постоянного переосмысления, где “преемственность” оказывается не данностью, а результатом сложных процессов, происходящих в разных поколениях ученых. Предложенная в статье трехмерная модель (знание—институт—деятельность) с ее временным измерением создает перспективу для такого анализа, а учет диалектического потенциала традиций может стать следующим шагом в развитии этого подхода. Ретроспективность показывает, как традиции переосмысливаются, а конфликт — механизм этого переосмысления

Парадокс конфликта: “война” школ как двигатель развития. Авторы в большей степени склоняются к гармоничной преемственности в механизме традиций. Однако трехмерная модель, которую они предлагают, не учитывает в полной мере *конфликтный* потенциал традиций. История психологии — это не только гармоничная преемственность, но также история, порой драматичная, столкновения идей, научных школ и традиций в том числе. Примеров этого достаточно [2; 7–8]. Традиции не просто “передаются” — иногда они навязываются через институциональные фильтры, такие как гранты, публикации, диссертационные советы; “внушаются” на уровне личного влияния и авторитета известных ученых; выступают как протест против давления господствующих направлений и парадигмы (в трактовке Т. Куна [10]), в конце концов, они завоевываются. Их существование зависит не только от мирного усвоения, но и от способности пробиться сквозь фильтры научных институтов, от победы в дискуссиях, от подчинения оппонентов или, наоборот, восстания против них [3; 9; 15]. Поэтому считаем важным учитывать и такой вариант развития науки, в котором именно *конфликт* традиций, а не их преемственность выступают детерминирующим фактором и динамики научного познания, порождения новых традиций. ИмPLICITно, но не оторефлексированно, эта идея уже содержится в предложенной авторами модели изучения традиций: конфликт проявляется на всех уровнях модели (знание—институт—деятельность), т.е. в борьбе теорий, институциональных столкновениях, в конкуренции методов.

Парадокс цифровизации: как технологии переопределяют доверие к традициям. Цифровизация — новый этап в диалектике конфликта (см. предыдущий пункт), где алгоритмы становятся “участниками” борьбы научных традиций. Авторы упоминают роль искусственного интеллекта в этом вопросе [12], однако современные алгоритмы уже во многом сами формируют научные традиции через селекцию научных тем, анализ цитирований и трендов, создающих “модные” направления. Нельзя отрицать своеобразную “глобализацию” научных методов, которая выражается в их стандартизации, т.е. предвзятости алгоритмов в пользу количественных подходов, и игнорирование качественных методов анализа [6]. Контроль над научной коммуникацией платформ типа ResearchGate определяет видимость публикаций для читателей. Например, JSTOR — это огромная онлайн-библиотека научных статей. Ее алгоритмы решают, какие статьи показывать ученым в первую очередь. Алгоритмы анализируют, какие статьи чаще цитируют и скачивают, а затем продвигают их в рекомендациях. Молодые ученые

зачастую выбирают и читают только то, что алгоритм считает “важным”. JSTOR будет предлагать только часто цитируемые или скачиваемые статьи, а упоминаемая редко теория останется незамеченной. Это и есть “цифровое окостенение” традиций — когда алгоритмы, а не люди, решают, что считать “наукой”. Это порождает новый тип парадокса: с одной стороны, технологии ускоряют циркуляцию идей, помогая преодолевать институциональные барьеры, с другой стороны, создают ситуацию, где преэминентность определяется не только научной ценностью, но параметрами обрабатывающих алгоритмов.

Как отмечал Гуревич [4, с. 112], традиции зависят от доверия, но теперь это доверие опосредовано цифровыми платформами. Например, порожденные искусственным интеллектом рекомендации в Scopus/Web of Science формируют “каноны” цитирования. Автоматизированные сформированные обзоры литературы вытесняют экспертный анализ. Системы проверки на плагиат меняют представления о заимствованиях.

Таким образом, в цифровую эпоху особая задача истории психологии — не просто изучать традиции, а переизобретать механизмы их формирования. Это необходимо для того, чтобы сохранять баланс между алгоритмической эффективностью и защитой экспертного авторитета от технологического произвола, сохранением пространства для “непонятых” инноваций, например, как с теорией Суходольского, или развитием других направлений. Поэтому представляется особенно важным сохранение и защита ценности результатов *человеческой мысли*, независимо от того, вписывается она в какую-либо традицию или нет. Истинная ценность мысли — в ее способности ломать и строить даже собственные основания.

ТРАДИЦИИ КАК РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Традиции в психологии — это не только механизм преэминентности, но и поле напряженной борьбы между сохранением наследия и необходимостью его обновления. Традиции могут выступать и как связующая основа науки, и как фильтр, отсекающий новаторские идеи. История психологии — это не только плавное развитие, но и “войны школ”, идеологическое давление институтов и технологические вмешательства. Можно сказать, что традиции динамичны и существуют в постоянном противоречии. Их сила — не столько в фиксации прошлого, а в способности переосмыслить настоящее или будущее через столкновение мировоззрений. Можно сказать, что традиции

определяются будущим, переписывая прошлое и являясь не надгробиями, а “живыми аренами”, где решается, что останется в прошлом, а что станет новым канонem.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борхес Х.Л.* Кафка и его предшественники // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Амфора, 2005. С. 274–281.
2. *Будилова Е.А.* Труды по истории русской психологической мысли. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Наука, 2008. 390 с.
3. *Будилова Е.А.* Poleмика о психологическом эксперименте на Всероссийских съездах по педагогической психологии // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, Е.А. Будилова, В.А. Кольцова. М.: Наука. 1990. С. 76–86.
4. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
5. *Гюго В.* Вильям Шекспир. М.: Книговек, 2013. 256 с.
6. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Вычислительный подход к анализу обыденного сознания: на примере изучения интернет-пространства // Методология современной психологии. 2024. № 22. С. 70–84.
7. *Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю.* Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 71–80.
8. *Кольцова В.А.* Идеологические и научные дискуссии в истории психологической науки в СССР // Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития: Материалы Международной конференции “II Московские встречи”, Москва, 01 января — 31 декабря 1995 года / Отв. ред. В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Институт психологии РАН, 1995. С. 13–17.
9. *Кольцова В.А.* Научная дискуссия как предмет системного исследования // Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, посвященной 30-летию Института, Москва, 28–29 января 2002 года / Отв. ред. А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев. Т. 1. М.: Институт психологии РАН, 2002. С. 45–48.
10. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
11. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Научные традиции как механизм преэминентности психологического познания. Часть 1. Состояние и трудности изучения // Психологический журнал. 2024. Т. 25. № 3. С. 5–14.
12. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Научные традиции как механизм преэминентности психологического познания. Часть 2. Проблемы, подходы и перспективы

- исследования // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 4. С. 5–15.
13. Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Научные школы как феномен в современной психологии: старые проблемы и новые вопросы // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы. сб. материалов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.В. Карпов. 2020. С. 81–87.
 14. Петровский А.В. История советской психологии. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
 15. Стоюхина Н.Ю., Журавлев А.Л. К 70-летию Совещания по вопросам психологии 1953 г.: первое послесталинское // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 5. С. 85–94.
 16. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 166 с.

SCIENTIFIC TRADITIONS IN PSYCHOLOGY: THE DIALECTICS OF CONTINUITY AND INNOVATION

L. N. Goryunova^{1,*}

¹St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9, Russia.

*PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Ergonomics and Engineering Psychology of the Faculty of Psychology.

E-mail: Lgoryunova@mail.ru

Received 27.04.2025

Abstract. This article advances the ideas presented by Oleinik and Zhuravlev (2024) regarding the role of scientific traditions, emphasizing their dynamic nature. While acknowledging the value of the authors' systematic approach and three-dimensional model of scientific tradition, the paper identifies their insufficient attention to: (1) the inherently conflict-driven character of traditions, and (2) their dependence on technological and institutional factors. The analysis focuses on the paradoxical capacity of traditions to simultaneously preserve and transform knowledge. The study proposes an expanded conceptualization of scientific tradition as an ongoing struggle between conservation and innovation.

Keywords: scientific traditions, paradigms, continuity, innovation, history of psychology.

REFERENCES

1. Borhes H.L. Kafka i ego predshestvenniki. Sbranie sochinenij. V. 2. Saint-Petersburg: Amfora, 2005. P. 274–281. (In Russian)
2. Budilova E.A. Trudy po istorii russoj psihologicheskoj mysli. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, T.I. Artem'eva. Moscow: Nauka, 2008. 390 p. (In Russian)
3. Budilova E.A. Polemika o psihologicheskom jeksperimente na Vserossijskih s'ezdah po pedagogicheskoj psihologii. Istorija stanovlenija i razvitija jeksperimental'no-psihologicheskikh issledovanij v Rossii. Eds. B.F. Lomov, E.A. Budilova, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Nauka". 1990. P. 76–86. (In Russian)
4. Gurevich A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. Moscow: Iskustvo, 1972. 318 p. (In Russian)
5. Gjugo V Vil'jam Shekspir. Moscow: Knigovek, 2013. 256 p. (In Russian)
6. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Vychislitel'nyj podhod k analizu obydenogo soznaniya: na primere izuchenija internet-prostranstva. Metodologija sovremennoj psihologii. 2024. № 22. P. 70–84.
7. Zhuravlev A.L., Stojuhina N.Ju. Soveshhanie po voprosam psihologii 1952 g. (k 70-letiju provedenija). Psichologicheskij zhurnal. 2022. V. 43. № 5. P. 71–80. (In Russian)
8. Kol'cova V.A. Ideologicheskie i nauchnye diskussii v istorii psihologicheskoj nauki v SSSR. Sovremennaja psihologija: istoricheskie, metodologicheskie i sociokul'turnye aspekty razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii "II Moskovskie vstrechi", Moskva, 01 janvarja – 31 dekabnja 1995 goda. Eds. V.A. Kol'cova, Ju.N. Olejnik. Moscow: Institut psihologii RAN, 1995. P. 13–17. (In Russian)
9. Kol'cova V.A. Nauchnaja diskussija kak predmet sistemnogo issledovanija. Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy: Tezisy dokladov na jubilejnoj nauchnoj konferencii IP RAN, posvjashhennoj 30-letiju Instituta, Moskva, 28–29 janvarja 2002 goda. Eds. A.V. Brushlinskij,

- A.L. Zhuravlev. V. 1. Moscow: Institut psihologii RAN, 2002. P. 45–48. (In Russian)
10. *Kun T.* Struktura nauchnyh revoljucij. Moscow: Progress, 1977. 300 p. (In Russian)
 11. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye tradicii kak mehanizm preemstvennosti psihologicheskogo poznanija. Chast' 1. Sostojanie i trudnosti izuchenija. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2024. V. 25. № 3. P. 5–14. (In Russian)
 12. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye tradicii kak mehanizm preemstvennosti psihologicheskogo poznanija. Chast' 2. Problemy, podhody i perspektivy issledovaniya. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2024. V. 45. № 4. P. 5–15. (In Russian)
 13. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye shkoly kak fenomen v sovremennoj psihologii: starye problemy i novye voprosy. Jaroslavskaja psihologicheskaja shkola: istorija, sovremennost', perspektivy. Sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ed. A.V. Karpov. 2020. P. 81–87. (In Russian)
 14. *Petrovskij A.V.* Istorija sovetskoj psihologii. Moscow: Prosveshhenie, 1967. 367 p. (In Russian)
 15. *Stojuhina N.Ju., Zhuravlev A.L.* K 70-letiju Soveshhanija po voprosam psihologii 1953 g.: pervoe poslestalinskoe. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2024. V. 45. № 5. P. 85–94. (In Russian)
 16. *Suhodol'skij G.V.* Osnovy psihologicheskoi teorii dejatel'nosti. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 166 p. (In Russian)